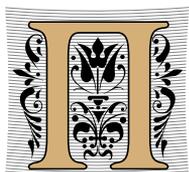

Исторический вестник. 2023. Т. XLIV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.013

Г.Н. Ланской

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Политизация общественной жизни и мировоззрение людей, с одной стороны, и стремление к профессиональным занятиям по изучению происходивших в различные периоды событий — с другой — нередко становятся основанием для противопоставления друг другу геополитических и научных исторических исследований. Данное противопоставление также переносится на формирование собирательных образов людей, занимающихся разными видами интеллектуальных занятий. Изучение политических процессов в силу своей традиционной направленности на познание современных практик и теоретико-методологической ориентации на прогнозирование будущих стратегий развития социальных институтов и групп в сфере достижения власти и организации управленческой деятельности ассоциируется с творчеством публицистов. Выбор данного когнитивного ракурса при этом объясняется часто выявляемой прагматической направленностью политологии как социальной науки, формирующей теоретическую и во многих случаях практическую основу политической деятельности. Ведение научных исторических исследований во многих случаях ассоциируется на персонализированном уровне с творчеством людей, погруженных в изуче-

ние различных видов документальных источников и извлечение из них в соответствии с профессионально освоенными методами и приемами достоверных сведений о различных объектах. Данный ассоциативный ракурс имеет под собой глубокие основания, обращенные еще к средневековому периоду становления просвещения и книжности, и углубляется по мере осмысления исследовательских практик, обращенных к отдаленным и не вызывающим актуалистических эмоциональных реакций событиям.

Между тем совершенно очевидным является тот факт, что для фиксации и передачи знаний как в области геополитики, так и в сфере иных происходивших в прошлом и продолжающихся событий используется одинаковый нарративный процесс, называемый в его ретроспективной части историографическим творчеством. В ситуациях, связанных с необходимостью осмысления интеллектуального наследия интенсивных с точки зрения происходившей идеологической борьбы периодов, рамки нуждающихся в исследовательском освоении информационных ресурсов закономерно расширяются. В частности, выявляя данную тенденцию применительно к становлению советского государства и новых, управлявшихся его структурами социальных процессов, С.О. Шмидт приходил к следующему выводу: «Работа в области историографии в последние годы убеждает в том, что утверждается более широкое понимание этого предмета. Становится всё яснее, что историю исторической науки (и шире — развития исторической мысли, исторических знаний) нельзя сводить ни к концепциям (особенно глобально методологического характера или откровенно политической направленности), ни к деятельности только виднейших ученых-исследователей, создателей научных школ, крупных организаторов науки, знаменитых влиятельных публицистов (философов, литературных критиков или политических деятелей), ни к изучению немногих сочинений, оказывающих воздействие и на последующие поколения»¹. Исходя из данного широкого определения объектных рамок истории исторической науки практически любые тексты, содержащие в себе изложение и интерпретацию ретроспективной информации, могли с полным основанием рассматриваться в качестве историографических фактов, даже если они создавались в рамках развития других областей знания. Классификационным критерием выявления в них научных трудов со-

¹ Шмидт С.О. К изучению истории советской исторической науки 1920–1930-х годов // История и историки. Историографический вестник. М.: Наука, 1990. С. 84.

Сигурд Оттович Шмидт

гласно представлениям основоположников историографии, как специальной исторической дисциплины (М.В. Нечкиной, А.М. Сахарова, К.Н. Тарновского, С.О. Шмидта), становилось стремление их авторов к глубокому — разностороннему и объективному — изучению и осмыслению конкретных событий и явлений.

Геополитические исследования также могли относиться в соответствии с данным критерием к числу историографических фактов, приспособленных в случае их востребованности к эволюции на более высокий качественный уровень историографических источников несмотря на распространенные факты их создания специалистами в области политологии² или, с другой стороны, географии³.

Их частичная, определяемая наличием опоры на ретроспективную информацию принадлежность к данному комплексу прежде всего определяется генетической историчностью объекта и предмета изучения. Во-первых, составляющая объектную сферу геополитических исследований геополитика представляет собой процесс целенаправленного освоения представителями органов государственной власти и другими социально активными субъектами территориальных пространств, а также последующего управления присоединенными территориями, в том числе в процессе раздела сфер влияния с другими акторами. Исходя из данного определения, предметом для этой исследовательской области являются территориаль-

² Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1998. 254 с.

³ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л.: Гидрометеоздат, 1990. 526 с.

ные пространства с их различными признаками, наиболее значимым из которых применительно к развитию исторического процесса являются границы; субъекты геополитики, а также приемы и методы геополитической деятельности, наиболее распространенными среди которых можно считать колонизацию и экспансию. Во-вторых, частичная принадлежность геополитических исследований к числу историографических фактов связана с широким и целенаправленным применением в них диалектического метода. На его основании применительно к любым временным и пространственным границам определяется то, как совокупность объективных потребностей в освоении новых территорий и субъективных мотиваций по самореализации в этой сфере индуктивно-логическим путем возникают предпосылки к совершению экспансионистских действий, определяется механизм этих действий и образуются их конкретные последствия. В-третьих, наряду с моделируемыми стратегическими сценариями развития различных по масштабам территориальных пространств одним из когнитивных продуктов, создаваемых в результате полного или частичного применения методологии и теоретического аппарата геополитических исследований, является формирование определенной исторической картины мира. Данный результат достигается, в частности, специалистами в области научного историографического творчества, особенно в том случае, если они придерживаются в своих взглядах когнитивной конструкции географического детерминизма.

К числу выразительных примеров совмещения исследовательских подходов, относящихся к сфере геополитических и более традиционных для исторической науки социально-культурных исследований, можно отнести концептуальные подходы выдающегося российского ученого Л.В. Милова. Пространственный фактор развития исторического процесса, объективно выраженный на физическом уровне в ландшафтно-климатической форме и в материальном качестве в виде ресурсов экономической и, следовательно, геополитической деятельности, рассматривался в его работах в качестве источника развития не только производственных, но и интеллектуальных процессов. Специфика его проявления, обусловленная также многообразием географических зон на территории России, формировала как позитивные предпосылки, так и еще более очевидные трудности и противоречия в сферах экономики и, соответственно, геополитики в используемом широком понимании данного объекта.

По мнению Л.В. Милова, И.Я. Фроянова⁴ и многих других специалистов, преимущественно занимавшихся изучением доиндустриальных форм хозяйственного и социально-политического развития на территориях российского государства, наиболее подверженной влиянию пространственного фактора была сфера аграрного производства, остававшаяся до событий 1917 г. одной из ведущих в формировании валового национального продукта. Как отмечал Л.В. Милов, административные преобразования, которые формально должны были способствовать переводу развития страны на качественно более высокий, так называемый «буржуазный» уровень, в силу не только управленческих, но и природно-географических условий существенно снижали позитивную динамику эволюционных процессов. Давая исходя из данной оценочной точки зрения оценку итогам реформ, начатых юридическим провозглашением отмены крепостного права, исследователь, в частности, писал: «Сняв путы крепостничества, реформы утяжелили положение крестьянства выкупными платежами и системой земельных отрезков. Суровый климат и низкое плодородие почв резко ограничивали возможность расширения производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве, даже в наиболее зажиточной его форме. Данная ситуация резко осложняла усвоение передовых технологий аграрного производства, хотя элементы этих технологий в ряде районов страны получали развитие. В целом же в российском социуме земля по-прежнему цепко удерживала в своих объятиях гигантское большинство населения страны, обеспечивавшее общество, помимо собственного простого воспроизводства, лишь минимальным объемом совокупного прибавочного продукта»⁵.

Новаторским аспектом концепции Л.В. Милова, представлявшей собой продукт сочетания методологий геополитического и исторического исследования, являлось выявление связи между географическими условиями конкретной территории и мировоззрением населяющих ее людей. Проанализировав ее по аналогии с предметно-хронологической направленностью работ французских авторов⁶ примени-

⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1974. 160 с.

⁵ Милов Л.В. Предисловие // История России XX — начала XXI в. /А.С. Барсенко, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М: Эксмо, 2007. С. 5.

⁶ Braudel F. L'identite de la France. 2 vol. Paris: Arthaud: Flammarion, 1986. Vol. 1–2.

Леонид Васильевич Милов

тельно к периоду Средневековья⁷, ученый экстраполировал данную диалектическую модель на время конца XIX — начала XX в. и в результате в оригинальном для мировой историографии ракурсе представил предпосылки распространения либеральных и социалистических идей в стране. Предприняв опыт системного анализа итогов развития России к данному периоду и сформулировав на его основе авторскую презентацию предпосылок сложившейся революционной ситуации, Л.В. Милов пришел к следующим выводам: «Таким образом, историческая ситуация в России конца XIX — начала XX века в значительной мере в своей объективной сущности сводилась к поискам новых механизмов, компенсирующих ущерб социально-экономическому развитию страны от суровых условий природы и климата. Естественно-исторический путь реального развития капитализма в стране, опутанной опосредованными следствиями этих условий, на том историческом этапе, как показали последующие события, эту столь острую проблему не решал. Немаловажную роль в этом противоречивом развитии сыграла географическая близость Европейской России к высокоразвитым странам Западной Европы. Наряду с многовековым огромным и прогрессивным влиянием на российский социум западноевропейской цивилизации эта близость... будоражила существенную часть русского

⁷ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 572 с.

общества, особенно болезненно воспринимавшую тот разительный контраст чудовищной отсталости быта и экономики России и высоко-развитой цивилизации Запада, до которого, казалось бы, рукой подать. Драматизм названной ситуации на протяжении многих десятков лет создавал в общественных настроениях определенных слоев социума остро напряженную обстановку и кардинальным образом влиял на развитие и борьбу русской общественной мысли, распространение леворадикальных идей преобразования общества»⁸. Таким образом, применительно к историческому периоду, традиционно интерпретируемому в мировой историографии с социально-научных позиций, исследователь предложил использовать нетрадиционный исследовательский подход, находящийся на стыке цивилизационной теории и географического детерминизма.

Помимо рассмотренной интеграции территориальных пространств и практик их освоения в изучаемую предметно-объектную сферу геополитические исследования и историческая наука связаны между собой сходной проблематикой, относящейся к изучению международных отношений, а также внешних политико-экономических особенностей конкретных государств. Данный ракурс научных исследований оказался особенно актуальным в период начала XX в., когда на основе использования, с одной стороны, ретроспективного и, с другой стороны, статистического метода стали создаваться труды, посвященные типологическому анализу и сравнительному изучению фундаментальных объектов капиталистического развития⁹. Формируя ориентир социально-экономического развития для различных стран мира и представляя его передовые образцы, авторы этих исследований по существу подходили к применению теоретического метода гипотетического проектирования роли и места конкретных государств в рамках мировой геоэкономической и, следовательно, геополитической карты. Поэтому в целом ряде стран, где после окончания Первой мировой войны под воздействием ее не вполне удачных итогов началось переосмысление итогов развития, начались интенсивные научные дискуссии, с одной стороны, о специфике сложившейся в них к началу XX в. капиталистической системы и, с другой стороны, о перспективах ее модернизации или даже преобразования в новое качественное состояние.

⁸ Милов А.В. Предисловие // История России XX — начала XXI века / А.С. Барсенко, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. А.В. Милова. С. 6–7.

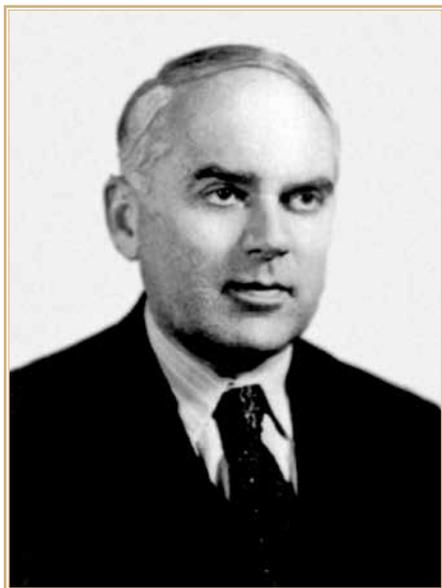
⁹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал: Новейшая фаза в развитии капитализма / Пер. с нем. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. 460 с.

Если специалисты, жившие и работавшие в Германии, сконцентрировали свои усилия на проектировании возрождения и дальнейшего повышения ее статуса в сфере международных отношений¹⁰, то советские ученые, концентрировавшие в том числе по идеологическим причинам свое внимание на проблеме наличия и масштабности экономических предпосылок построения социализма, интенсивно вплоть до середины 1950-х гг. обсуждали тему зависимости дореволюционной российской экономики от инвестиционной поддержки западноевропейских государств. Окончанием данной дискуссии, в рамках которой в зависимости от положительности или, напротив, временной кризисности цикла экономического развития СССР констатировалось уменьшенное или повышенное значение ресурсов иностранного капитала, стало обсуждение опубликованной в 1956 г. статьи Б.Б. Граве¹¹. Поскольку поставленная в статье исследовательская проблема имела существенное идеологическое значение в условиях предпринятого в советском государстве проекта создания новой по сравнению с предыдущим — имперским — периодом социально-хозяйственной системы и напрямую относилась к выявлению с точки зрения формационной теории условий для перехода от капиталистического уровня к социалистическому, руководители проводившихся во второй половине 1950-х гг. исторических и в их рамках геополитических исследований приняли решение сместить с нее концептуальный акцент. Выбор данной интеллектуальной стратегии был важен для того, чтобы сконцентрировать внимание читателей научных трудов на наличии пусть и противоречивых, но в то же время очевидных, по их мнению, предпосылок революции 1917 г. Также в данной ситуации учитывался тот факт, что по вопросам самодостаточности и специфики развития российской экономики наряду с профессиональными специалистами высказывался И.В. Сталин, позиция которого колебалась в том числе в сторону констатации высокого уровня зависимости российской экономики от поступлений иностранных капиталовложений.

Поворотным событием развития отечественной историографии в сфере обсуждения имевшей фундаментальный геополитический контекст темы сравнительного анализа результатов экономического развития России по сравнению с передовыми европейскими странами стала состоявшаяся на заседании бюро отделения истории АН СССР

¹⁰ Хаусхофер К, Ратцель Ф. Теория «жизненного пространства» / Пер. с нем. М.: Алгоритм, 2019. 239 с.

¹¹ Граве Б.Б. Была ли Россия полуколонией? // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 87–94.

Евгений Михайлович Жуков

в 1957 г. дискуссия о содержании аналитической записки по проблеме «Развитие империализма в России». Одним из оснований подготовки данного текста было стремление обнаружить в развитии российского государства период достижения пусть недостаточно полноценной по своему индустриальному и финансовому уровню, но всё же сложившейся стадии империалистического развития, занимавшей в соответствии с господствовавшей в советских общественных науках теорией исторического материализма высшую точку трансформации капитализма. Решая данную методологическую и одновременно с этим политико-идеологическую задачу, академик-секретарь отделения истории АН СССР Е.М. Жуков дал в своем обращении участникам дискуссии и, соответственно, к остальному профессиональному сообществу следующую рекомендацию: «Тут в качестве упрека выставлялось такое положение, что авторы Записки не учли статью Граве. Мне кажется, что эта статья не является таким большим достижением исторической науки, в отношении этой статьи имеются отрицательные мнения, по меньшей мере спорные. Речь идет не о том, что Россия была колонией или полуколонией, а речь идет о зависимости России от западного империализма. Я думаю, это принципиально правильно. Здесь была, видимо, такая тенденция, чтобы во что бы то ни стало поставить под сомнение то, что дано товарищем Сталиным. Это неправильно, нужно объективно подходить к высказанным положениям. И если мы поставим разбираемую нами проблему в цепь вопросов, связанных с исто-

Валерий Иванович Бовыкин

рией Октябрьской революции, то нам особенно важно подчеркнуть, что в связи с Октябрьской революцией Россия освободилась от зависимости от иностранного империализма»¹². Смена парадигмы исторических по содержанию и геополитических по предметной направленности исследований с темы зависимости российской экономики от поступавших из западноевропейских стран инвестиционных ресурсов на выявление новизны и уникальности советского государственного проекта сформировала теоретико-методологический вектор научных работ многих авторов.

Однако развитие данной тенденции далеко не всегда имело исключительно конъюнктурный характер, поскольку проблема влияния иностранного капитала как на хозяйственные, так и на общественно-политические процессы в России последней трети XIX — начала XX в. имела объективный характер не только для работавших в более позднее время экспертов, но и для современников. Поэтому в 1990-е гг. после утраты актуальности темы выявления реально существовавших или мнимых предпосылок социалистической революции в России исследователи продолжали на основании системного и комплексного подходов стремиться, с одной стороны, проанализировать в отдельности темы значимости внешних инвестиций для российской экономики и их роли в формировании финансово-промышленного статуса госу-

¹² Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

дарства и, с другой стороны, определить феноменологический тип Российской империи в глобальном пространстве капиталистических государств с преимущественно либерально-демократическим политическим режимом. Выявляя и демонстрируя специфику развития России в данной сфере, один из наиболее авторитетных исследователей данной проблемы В.И. Бовыкин приходил к следующему выводу: «В 900-е годы иностранные вложения в российские государственные займы, носившие до этого производительный характер, утратили его. Обращение царского правительства к зарубежным денежным рынкам в поисках средств для сооружения железных дорог обычно мотивировалось недостатком свободных капиталов в самой России. Между тем этот недостаток, по сути дела, создавался самим правительством, отвлекавшим посредством налогов в системы государственного кредита внутренние накопления от их производительного использования в народном хозяйстве ради поддержания существования в стране полуфеодального политического режима»¹³. Данный вывод, имевший конкретную совокупность аргументов в виде нараставшего и обернувшегося событиями Февральской революции 1917 г. конфликта между представителями отечественного слоя крупных предпринимателей и деятелями управлявшей монархическим государством элиты, не давал конкретного ответа на вопрос о степени финансово-экономической и, следовательно, геополитической зависимости России от передовых по своему развитию западноевропейских государств.

Этот открытый по своему финалу результат историографического творчества был вызван помимо внутренней противоречивости и неоднозначности самого объекта изучения тем, что в рамках исторической науки и геополитических исследований осмысливаемое хронологическое пространство всегда имеет достаточно жесткие диалектические границы. В частности, применительно к российской и затем к советской истории данной конечной границей являлся распад государств под влиянием внутренних кризисных процессов, источником которых, по существу, оказывался недостаток внутреннего мобилизационного потенциала для обеспечения устойчивого развития. Соответственно, начальной границей оказывались, главным образом, административные мероприятия по мобилизации и концентрации различных видов ресурсов, формировавших этот потенциал.

¹³ Бовыкин В.И. Предисловие // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М.: Наука, 1997. С. 6–7.

Концентрация на конечном результате мобилизационных действий органов государственной власти и управляемых ими социальных общностей и прогнозирование времени наступления данного результата являются отличительной чертой геополитических исследований. Если историки, выявляя в систематизированных по признаку потенциальной достоверности источниках различные сведения, погружаются в сущность конкретных событий и явлений, то специалисты в области политологии, занимаясь своего рода реконструктивным моделированием институциональных и социальных процессов, сосредотачиваются, главным образом, на причинах и следствиях движения в пространстве и времени. О данной закономерности, в частности, свидетельствуют интеллектуальные факты становления прикладной по отношению к проектируемым внешнеполитическим и в их числе милитаристическим практикам концепции атлантизма, которая пусть и в модернизированном виде по-прежнему доминирует в формируемых представителями североамериканских и западноевропейских стран сценариях мирового политического порядка. Создавшие и доведшие данную концепцию до конечного теоретического результата американские исследователи А.Т. Мэхэн¹⁴ и Н. Спайкмен¹⁵, а также английский ученый Х. Маккиндер¹⁶ по существу создали детерминистскую, нацеленную на универсальное распространение теорию об определяющем и непреодолимом влиянии условий географической среды на потенциал активного, приближающегося к доминированию в тех или иных масштабах участия в международных отношениях.

Применительно к изучению развития России наиболее репрезентативным подтверждением данной теории в мировой историографии признается период начала XX в., когда будучи с точки зрения логики его зависимости от ресурсной поддержки более передовых стран Запада российское государство в лице своих лидеров стало искать жизненное пространство для проявления своих внешнеполитических интересов в дальневосточном регионе. Признавая закономерность выбора данной геополитической траектории и одновременно базируясь на утверждении об отсталости Российской империи от ряда других акторов международных отношений, британские и североамериканские исследова-

¹⁴ *Mahan A.T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown and Co., 1890. 634 p.*

¹⁵ *Spykman N.J. The Geography of the Peace. Harcourt: Brace, 1944. 66 p.*

¹⁶ *Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The geographical journal. 1904. № 2. P. 421–437.*

тели отстаивали тезис о неизбежном крушении замыслов императора Николая II и представителей его ближайшего окружения. Согласно распространенной в их трудах точке зрения по аналогии с событиями Крымской войны 1853–1856 гг. эти намерения могли быть относительно обоснованными только до тех пор, пока они не привлекут внимания и не вызовут далее противодействия со стороны более сильных территориально-политических конкурентов. Формируя данный образ геополитической карты на Дальнем Востоке и в целом в Тихоокеанском межрегиональном пространстве, английский исследователь Д. Уолдер создавал следующую картину происходивших в первой половине 1900-х гг. событий: «США не проявляли желания к присоединению новых территорий, испытывая проблемы с Филиппинами. Великобритания со своим наибольшим коммерческим анклавом в Китае была обязана вновь противиться расширению русской экспансии. В центре находилась Япония, жизненно связанная с изменением баланса сил. На периферии находилась Франция»¹⁷. В дальнейшем за исключением событий Второй мировой войны, в ходе которых для сопротивления общей военной угрозы со стороны Германии и ее союзников США, Великобритания и СССР сформировали основу антигитлеровской коалиции, геополитические исследования североамериканских и британских авторов имели в отношении моделирования перспектив российского внешнеполитического курса телеологический характер. На фундаментальном уровне данная особенность выражалась в констатации неспособности страны, не относящейся по естественным (географическим) причинам к европейско-североамериканскому межрегиональному пространству, выдвигать и решать задачи достижения глобального уровня в международных отношениях. На прикладном уровне телеологичность проявлялась и, как показывает современная внешнеполитическая обстановка на европейском пространстве, продолжает выражаться в интерпретации как перспектив развития конкретных конфликтных ситуаций, так и в оценивании наблюдаемых фактов.

Ракурс геополитических исследований, основанный на обосновании и отстаивании доктрины возможного гегемонизма каких-либо отдельных государств, относимых к глобальному типу или обладающих пространственными и производными от них ресурсными преимуществами, обладает с научной точки зрения очевидными недостатками.

¹⁷ *Walders D. The short victorious war. Russo-Japanese conflict, 1904–1905. London, 1973. P. 24.*

Помимо догматизма, обусловленного стремлением к выработке универсалистских объяснительных и стратегических моделей, они заключаются в субъективности восприятия исторических событий, нередко трансформирующейся в стереотипность, и стремлении к выбору аргументов, исключительно подтверждающих создаваемую когнитивную конструкцию. В периодически встречающихся ситуациях приверженность доктрине гегемонизма не только на глобальном, но также на других, меньших по масштабу пространственных уровнях приводит к созданию мифологических и одновременно с этим агрессивных по внутреннему содержанию экспансионистских проектов. Их появление, особенно характерное для промежутков между глобальными геополитическими конфликтами, становится катализатором активной конфронтации и нередко источником разрушения того государства, лидеры которого сформировали и выдвинули такие проекты, как это, в частности, произошло в Польше в начале Второй мировой войны и Германии после ее окончания.

Конструктивная в исследовательском отношении связь между генетически обращенными в сферу настоящего и будущего времени геополитическими исследованиями и исторической наукой, творческие проявления которой обычно направлены на познание минувших событий, обеспечивается в случае деполитизации применяемого историографического и в широком смысле нарративного подхода. Исходным объектом для достижения гармоничного синтеза между этими исследовательскими направлениями является не оценивание и интерпретация нередко уже осознанных проявлений и траекторий исторического процесса, а системный анализ пространственной среды, структура которой в итоге определяет возможные сценарии деятельности людей, территориальных сообществ и функционирования государств. Помимо получения вполне четкого, обоснованного применением эмпирических методов знания об этом объекте такая направленность научной работы может дать возможность решения целого ряда притягательных как для геополитических, так и для исторических исследований творческих задач. В частности, применительно к значительному числу дипломатических коллизий и вооруженных противостояний ее выбор позволит выявить реальные альтернативы происходящих процессов, отличающиеся от своих мифологических аналогов наличием для их возникновения объективных возможностей. Выбор пространственной среды в качестве исходного научно-познавательного элемента имеет под собой также вполне очевидные

логические основания, поскольку другие объекты геополитических исследований, к которым относятся территориально-политические образования и территориальные сообщества, имеют по отношению к ней диалектически производный характер.

Постановка и рассмотрение методологической проблемы взаимосвязи между исторической наукой и геополитическими исследованиями имеют не только исследовательский, но и социально значимый характер. По существу, именно отсутствие полного и адекватного знания о событиях и явлениях прошлого лишает людей способности понимать их значение и своевременно обнаруживать часто встречающиеся вследствие достаточно статичных пространственных условий возможности их повторения зачастую в обостренной форме. С другой стороны, теоретическая направленность экспертных геополитических исследований в случае отсутствия в них элементов догматизма и субъективности позволяет более глубоко понять закономерности и, следовательно, сущность исторического процесса не только в масштабах отдельных стран и межгосударственных объединений, но и в глобальном масштабе.

REFERENCES

1. *Braudel F.* L'identité de la France. 2 vol. Paris: Arthaud: Flammarion, 1986. Vol. 1–2.
2. *Bzhezinskiy Z.* Velikaya shakhmatnaya doska: Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskiye imperativy: perevod s angliyskogo. Moscow: Mezhdunarodniye otnosheniya, 1998. 254 p.
3. *Bovykin V.I.* Predisloviye // Inostrannoye predprinimatelstvo i zagranichniye investitsii v Rossii. Moscow: Nauka. P. 5–18.
4. *Gilferding R.* Finansoviy kapital: Noveyshaya phaza v razvitii kapitalizma: perevod s nemetskogo yazyka. Moscow: Gosudarstvennoy socialno-economichekoye izdatelstvo, 1931. 460 p.
5. *Grave B.B.* Byla li Rossiya polukoloniyey? // Voprosy istorii. 1957. № 6. P. 87–94.
6. *Gumilyov L.N.* Etnogenez i biosphera zemli. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990. 526 p.
7. *Mackinder H.J.* The geographical pivot of history // The geographical journal. 1904. № 2. P. 421–437.
8. *Mahan A.T.* The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown and Co., 1890. 634 p.
9. *Milov L.V.* Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa. Moscow: ROSSPEN, 1998. 572 p.
10. *Milov L.V.* Predisloviye // Istoriya Rossii XX — nachala XXI veka / A.I. Vdovin, S.V. Voronkova; pod red. L.V. Milova. Moscow: Eksmo, 2007. P. 6–9.
11. *Schmidt S.O.* K izucheniyu istorii sovetskoj istoricheskoy nauki 1920 — 1930-kh godov // Istoriya i istoriki. Istoriographicheskij vestnik. Moscow: Nauka, 1990. P. 84–91.
12. *Spykman N.J.* The Geography of the Peace. Harcourt: Brace, 1944. 66 p.
13. *Froyanov I. Ya.* Kiyevskaya Rus. Ocherki sotsial`no-economichtskoy istorii. Leningrad: Izdatel`stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1974. 160 p.

14. *Hauskofer K., Ratzel F.* Teoriya «zhiznennogo prostranstva» / Per. s nem. Algoritm, 2019. 239 p.
15. *Walder D.* The short victorious war. Russo-Japanese conflict, 1904–1905. London, 1973. 321 p.

Ключевые слова:

геополитические исследования, историческая наука, историография, наука, методология, концепция, интерпретация, пространство, территория, управление, государство.

Grigoriy N. Lanskoj

GEOPOLITICAL STUDIES AND HISTORICAL SCIENCE

This paper is devoted to detection, definition, and presentation of the relationship between geopolitical and historical studies on base of concrete sources. The theoretical basis of the research is based on the concept of intellectual geopolitical activity as a process of designing models for the development by states and other social actors within various territorial spaces and the subsequent organization of their management. In this regard, it is proved that there are similarities between geopolitical and historical studies in the field of choosing the object to be mastered. The article presents the difference between the methodological approaches used in historical and political science, revealed in the dialectical orientation towards the intellectual creativity of specific specialists. For scientific historical research, theoretical methods of synthesis and design of hypotheses about the current and future development of specific territories become an additional resource for assessing the significance of directly studied historical facts. In geopolitical studies, the identification, selection, and systematization of these facts has an applicable nature and is aimed at finding arguments for strategies and scenarios being created for the development of states and external relations. The chronological framework of the presented research includes the period from the middle of the 19th century to the appearance of modern historiographical facts. The given definition for the facts is because the cohesion of geopolitical and historical research could be formed solely on the basis of a positivist methodology, without which the formation of objective knowledge about the society and social development is impossible.

Key words: Geopolitical Studies, Historical Science, Historiography, Science, Methodology, Concept, Interpretation, Space, Territory, Management, State.

Grigoriy N. Lanskoj – D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities.

 Ланской Григорий Николаевич

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета.